

УДК 343

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-113-123>



К вопросу об определении содержания «посягательства» применительно к статье 295 Уголовного кодекса Российской Федерации

Б.А. Кашежева¹✉

¹Санкт-Петербургский университет МВД России

ул. Летчика Пилутова, д. 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

✉ e-mail: balik07@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Неопределенность содержания понятия «посягательство» в контексте статьи 295 Уголовного кодекса Российской Федерации препятствует формированию единообразного подхода к оценке и пониманию объективной стороны указанного состава преступления. Данное обстоятельство подрывает принцип правовой определенности и может привести к неоднозначной квалификации, снизив тем самым эффективность уголовно-правовой защиты указанной нормы.

Целью исследования является всесторонний анализ отдельных теоретических и практических аспектов применения статьи 295 Уголовного кодекса Российской Федерации в части, касающейся производства предварительного расследования.

Задачи: анализ действующего уголовного законодательства в части регулирования ответственности за посягательства на жизнь должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования; исследование подходов к определению понятия «посягательство»; установление особенностей объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 295 Уголовного кодекса Российской Федерации; формулирование авторского определения понятия «посягательство» применительно к статье 295 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Методология. В представленном научном исследовании применялись анализ нормативно-правовых актов, формально-юридический, доктринальный, историко-правовой, социологический и логико-юридический методы.

Результаты. Раскрыто содержание ключевых признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 295 Уголовного кодекса Российской Федерации. выявлена неоднозначность в теоретическом понимании термина «посягательство» применительно к статье 295 Уголовного кодекса Российской Федерации, обусловленного отсутствием его законодательно закрепленного и сформулированного определения.

Заключение. Автором сформулировано определение понятия «посягательство» как деяния, предусмотренного статьей 295 Уголовного кодекса Российской Федерации в части, касающейся должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования. Сделан вывод о высокой степени общественной опасности данного вида преступлений и предложено дополнение существующего акта интерпретации соответствующими пояснениями, содержащими определение термина «посягательство».

Ключевые слова: посягательство; нападение; объективная сторона; жизнь; следователь; дознаватель; должностное лицо; предварительное расследование; защита; понятие.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кашежева Б.А. К вопросу об определении содержания «посягательства» применительно к статье 295 Уголовного кодекса Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 113–123. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-113-123>.

Поступила в редакцию 30.04.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Опубликована 16.06.2025

On the issue of defining the content of “encroachment” within the meaning of article 295 of the criminal code of the Russian federation

Bella A. Kashezheva¹✉

¹St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

1 Pilyutova Pilot Str., St. Petersburg 198206, Russian Federation

✉e-mail: balik0j@yandex.ru

Abstract

Relevance. The uncertainty of the content of the concept of “encroachment” in the context of Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation prevents the formation of a uniform approach to the assessment and understanding of the objective side of the specified crime.

The purpose of the study is a comprehensive analysis of individual theoretical and practical aspects of the application of Art. 295 of the Criminal Code of the Russian Federation, in terms of the preliminary investigation.

Objectives: analysis of current criminal legislation in terms of regulating liability for attacks on the lives of officials conducting preliminary investigations; study of approaches to defining the concept of “attack”; establishment of the features of the objective side of the crime provided for in Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation; formulation of the author's definition of the concept of “attack” in relation to Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Methodology. The presented scientific research used the analysis of regulatory legal acts, formal-legal, doctrinal, historical-legal, sociological and logical-legal methods.

Results. The content of the key features of the objective side of the corpus delicti provided for in Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation is revealed. The author has identified an ambiguity in the theoretical understanding of the term “encroachment” in relation to Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation, due to the lack of its legally fixed and formulated definition.

Conclusion. The author has formulated a definition of the concept of “encroachment” as an act provided for in Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation in the part concerning officials conducting the preliminary investigation. A conclusion has been made about the high degree of public danger of this type of crime and it has been proposed to supplement the existing act of interpretation with appropriate explanations containing the definition of the term “encroachment”.

Keywords: encroachment; attack; objective side; life; investigator; inquiry officer; official; preliminary investigation; defense; concept.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kashezheva B.A. On the issue of defining the content of “encroachment” within the meaning of article 295 of the criminal code of the Russian federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(3):113–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-113-123>.

Received 30.04.2025

Accepted 29.05.2025

Published 16.06.2025

Введение

«В следствии нет мелочей, ибо каждая из них может иметь решающее значение». Действительно, предварительное расследование и в форме предварительного следствия, и в форме дознания является основой уголовного судопроизводства, т. к. должностные лица, осуществляющие служебную деятельность на этом

этапе, формируют «фундамент» для последующего судебного разбирательства, обеспечивая суд необходимыми материалами для вынесения справедливого законного приговора.

Учитывая процессуально центрирующую роль рассматриваемой категории должностных лиц, стоит признать прямую взаимосвязь между состоянием их личной и служебной безопасности, вы-

раженной в независимости законной деятельности от стороннего негативного влияния с справедливым законным приговором, как правовым результатом (ито-гом) в виде качественного предварительного расследования. Отсутствие уверенности в собственной защищённости [1, с. 149], равно как и реальные угрозы личной безопасности, способны не только дестабилизировать деятельность по расследованию, но и подорвать эффективность уголовного преследования в целом. Их безопасность не только гарант качества профессиональной деятельности, но и важный элемент обеспечения справедливости и законности во всем уголовном процессе. Следовательно, результаты предварительного расследования напрямую влияют на реализацию фундаментальных задач, стоящих перед правосудием. Сложность, социальная напряжённость, потенциальная конфликтность, а значит, и виктимность их профессиональной среды обуславливают необходимость и значимость уголовно-правовой защиты этой категории должностных лиц.

Согласно известному изречению «основы каждого государства и фундамент любой страны покоятся на справедливости и правосудии», а значит, защита должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования, является также одной из форм укрепления института государственной власти. Это демонстрирует обществу способность государства защищать своих представителей, что, в свою очередь, способствует укреплению доверия населения к государственным институтам и повышению эффективности их функционирования. Ведь государство, не создающее надлежащих условий для защиты своих институтов власти, становится уязвимым и, следовательно, не может убедительно заявить о своей авторитетности, что ставит под сомнение способность обеспечивать защиту прав и свобод граждан в условиях возникновения угроз.

В этом контексте правовое признание их особого статуса и уязвимости становится неотъемлемой частью уголовной политики государства, направленной на защиту правопорядка и обеспечение законности.

В этой связи сразу несколько приоритетных направлений государственной политики, определенные как цели и задачи, так или иначе касаются интересующей нас проблематики. Так в разделе «Государственная и общественная безопасность» можно выделить следующее: «усиление роли государства как гаранта безопасности личности»; «повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по защите основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина»; «обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления»; «формирование в обществе атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности»; «защита конституционного строя Российской Федерации»; «защита основных прав и свобод человека и гражданина»; «совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества»; «укрепление законности и правопорядка»; «повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации»; «снижение уровня криминализации общественных отношений, развитие единой государственной системы профилактики правонарушений»; «профилактика преступных проявлений»; «реализация принципа неотвратимости наказания за совершение преступления»; «комплексное развитие правоохранительных органов»¹.

Применение законодателем указанных выше правовых положений в рамках актуального нормативного акта стратегического планирования, определяющего

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

интересы и приоритеты государственной политики, свидетельствует о высокой значимости уголовно-правовой защиты сотрудников правоохранительных систем, в частности должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования. Это обусловлено их ключевой ролью в обеспечении реализации принципа защиты прав и свобод человека и гражданина, а также эффективного функционирования системы правосудия. Законодательная защита этой категории должностных лиц направлена на предотвращение незаконного вмешательства в их деятельность, угроз и давления, что, в свою очередь, способствует объективному и беспристрастному предварительному расследованию, а значит, и правосудию, что создает предпосылки для «торжества» справедливости.

Государственная защита сотрудников правоохранительной структуры определена Федеральным законом Российской Федерации от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», в котором установлен и определен порядок действий и виды мер безопасности, применяемые при получении должностным лицом угроз в связи с осуществлением им законной служебной деятельности¹. Данный нормативный правовой акт регламентирует право на обеспечение безопасности сотрудников и их близких в обстоятельствах, когда их жизни и здоровью угрожает опасность или имеются реальные основания возникновения таких обстоятельств.

¹ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федер. закон от 20 апр. 1995 г. № 45-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6425/ (дата обращения: 16.02.2025).

Методология

Методологическую основу представленного исследования определили следующие методы: анализ нормативно-правовых актов, использованный для изучения положений уголовного законодательства и законодательных формулировок с целью выявления ключевых аспектов и признаков преступлений, предусмотренных ст. 295 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ); формально-юридический метод, способствовавший исследованию нормативной конструкции, диспозиции, структуры и юридического значения ст. 295 УК РФ; доктринальный анализ научных трудов авторитетных ученых в области уголовного права и криминологии для обоснования актуальности темы и подтверждения выводов настоящего научного исследования; историко-правовой метод, который применялся для определения «эволюции» норм об уголовной ответственности за посягательства на жизнь лиц, осуществляющих производство предварительного расследования и установления факта наличия определения термина «посягательство» в отечественном уголовном законодательстве на ранних этапах его развития; социологический метод, примененный с целью изучения судебно-следственной практики и опроса должностных лиц из категории правоприменителей и лиц, относящихся к категории потерпевших по исследуемому составу преступления, на факт выявления проблем в области применения рассматриваемой нормы; логико-юридический метод, использованный для структурирования настоящего научного исследования и формулирования логически выстроенных аргументов и выводов.

Результаты и их обсуждение

В уголовном праве защите «правоприменителей» уделяется особое внимание и выделяется особое место. Это обу-

словлено высокой степенью общественной опасности таких деяний, вытекающей из дуалистичности объекта состава преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, поскольку они направлены не только против высшего блага – жизни конкретного должностного лица, но и против одной из высших ценностей правового государства – обеспечения законности, справедливости и неотвратимости уголовного преследования. Общественная опасность таких деяний состоит в незаконном негативном воздействии, нарушающем нормальное функционирование деятельности органов государственной власти по производству предварительного расследования и препятствующим реализации их публично-правовых полномочий [2].

Так, в структуре уголовного закона специальные нормы, устанавливающие уголовную ответственность за преступления против жизни должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования выделены в отдельные группы. Подобное законодательное решение обусловлено необходимостью усиления уголовно-правовой защиты указанных лиц в силу особой государственной и общественной значимости выполняемых ими служебных задач.

В условиях высокой общественной опасности посягательства, предусмотренного ст. 295 УК РФ, особое значение приобретает точность в установлении содержания характеризующих признаков состава преступления, в частности представляется важным определение объективной стороны. Как внешняя характеристика деяния объективная сторона преступления позволяет определить пределы уголовно-правового запрета, выявить специфику посягательства и разграничить его от смежных составов. Надлежащее толкование и понимание содержания объективной стороны является необходимым условием реализации принципа

законности, обеспечивает правовую определённость и способствует эффективному применению уголовно-правовых норм в целях защиты интересов государства и общества [3].

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, отличается определённой конструктивной сложностью. Прежде всего, обращает на себя внимание использование в диспозиции нормы термина «посягательство» [4, с. 460], не имеющего нормативного определения в рамках Общей части УК РФ. Подобное отклонение от принципа единства терминологического аппарата уголовного закона вызывает справедливую критику со стороны научного сообщества. Ряд исследователей указывают, что неопределённость указанной дефиниции нарушает принцип правовой определённости [5, с. 110], затрудняет квалификацию деяния и может повлечь произвольное толкование нормы, что может послужить причиной образования ряда проблем. Включение столь содержательно нагруженного, но формально не закреплённого термина в текст уголовно-правовой нормы Особенной части представляется недостаточно обоснованным с позиции требований юридической техники и системности уголовного законодательства. Данный пробел, несомненно, должен быть устранен в законодательно установленном порядке.

В рамках настоящего исследования автор ставит перед собой целью раскрыть уголовно-правовое содержание понятия «посягательство», используемого в тексте указанной нормы и в результате сформулировать определение, которое могло бы поспособствовать устранению имеющихся противоречий в правоприменительной деятельности. Понятие «посягательство» отличается неоднозначностью и широтой трактовок. В обыденном восприятии этот термин понимается как «попытка сделать что-либо», «посягнуть,

совершить посягательство на что-нибудь»¹, «дерзать», «замышлять», «намереваться», «совершить какое-либо действие», «осуществить попытку» или «покуситься»². По смысловому значению термин «посягательство» не содержит в себе упоминание или даже «намек» на наступление каких бы то ни было последствий в результате совершенных действий, т. е. виновное лицо, совершая преступление в виде посягательства, не обязательно должно быть уверено в успешной реализации всех своих намерений в полном объеме.

Из этого следует, что деяние образует признаки состава преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ не только в случае, если действия виновного лица повлекли смерть потерпевшего, но и при покушении на убийство и даже при приготовлении к нему, т. к. «намереваться» и «замышлять» в прямом смысле означают приготовление, а «дерзать» и «попытка» – покушение. В таком случае было бы сложно представить себе более удачный термин, который мог бы передать весь спектр таких действий и выразить именно такой посыл законодателя. О «не случайности» применения рассматриваемого понятия свидетельствует и то, что его упоминание встречается довольно часто и в ряде других положений уголовного законодательства. Более того, данный термин используется в двух разных значениях. В широком смысле «посягательство» применяется в качестве альтернативы умышленному преступлению, а в более узком смысле для описания конкретных свойств поведения, характеризующих поступок виновного лица, с точки зрения объективной стороны

определенного состава преступления³, т. е. понимание посягательства в качестве самостоятельного преступления, выраженного в убийстве либо покушении на убийство [6, с. 72].

В отсутствие законодательного определения понятия «посягательство» в научной дискуссии сформировался ряд различных подходов к его трактовке. Так, отдельные авторы предлагают относить к посягательству не только убийство и покушение на него, но и «причинение любого вреда потерпевшему лицу» [7, с. 11], «тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшего лица» [8, с. 30; 9, с. 43] или «любое насилие, опасное для жизни потерпевшего лица» [10, с. 40]. Указанная неопределенность породила и дискуссию о месте ст. 295 УК РФ в системе уголовного законодательства. Одни учёные поддерживают действующее расположение нормы [11, с. 170], подчёркивая неразрывную связь между качественным предварительным расследованием и справедливым правосудием, тогда как другие ставят под сомнение обоснованность такого подхода [12, с. 25], указывая на нормативную несогласованность.

А.М. Шувалова справедливо замечает, что такие предложения нельзя признать корректными, т. к. объектом таких деяний является здоровье потерпевшего, в то время как посягательство в смысле ст. 295 УК РФ прямо направлено именно против жизни должностных лиц, перечисленных в тексте нормы [13]. Хотим присоединиться к последней позиции и, в свою очередь, отметить, что отечественное законодательство ранее все же содержало в себе определение термина «посягательство», оно было регламентировано утратившим силу постановлением

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Д. Толковый словарь русского языка. М., 1985. С. 563, 571.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Русский язык; 1980. С. 352.

³ Денисов С.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. ... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург. 2002. С. 38.

Пленума Верховного Суда (далее – ППВС) Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) № 9 от 22 сентября 1989 г. «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка», где под посягательством понималось лишь «убийство или покушение на убийство» и не более того.

В настоящее время такое обозначение отсутствует, но поскольку ныне действующий уголовный закон, как в общем и вся Российская Федерация, стали правопреемниками наследия СССР, а действующий УК РФ не стал исключением и, придя на замену ранее действовавшему УК 1960 г., перенял некоторые основные принципы, положения и нормы. Сохранив именно такую формулировку в тексте ст. 295 УК РФ, законодатель создает предпосылки для обращения к ранее данному определению. Именно термин «посягательство» идеально отражает умысел виновного лица, а также позволяет категорично разграничить действия по оконченному и неоконченному преступлению, подчёркивая его общественную опасность, вне зависимости от наступления общественно опасных последствий в виде смерти потерпевшего.

В научных исследованиях по теме довольно часто в качестве довода о необходимости употребления иного термина для обозначения преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, можно встретить обращение к словам А.Н. Трайнина, который предлагал понимать «посягательство» в уголовно-правовом значении следующим образом: «посягнуть – всегда означает нанести в той или иной форме и мере ущерб объекту, посягательство, не несущее с собой ущерба, перестает быть собой – оно уже не посягает...

Нет посягательства, если нет объекта, так как в этом случае не на что посягать, и в одинаковой мере нет посягательства, если объекту не причинено ущерба, ибо и в этом случае субъект не посягает» [14, с. 124].

В нашем понимании такая интерпретация термина никак не противоречит возможности обозначения оконченного и неоконченного преступлений термином «посягательство», т. к. и при покушении потерпевшему должностному лицу, а вместе с тем и интересам правосудия, несомненно, наносится вред. Было бы некорректным назвать такое преступное деяние преступлением «без ущерба», т. к. даже в случае несостоявшегося посягательства последствия происшедшего не ограничиваются лишь фактической стороной.

С психологической точки зрения подобное событие неизбежно формирует у потерпевшего состояние тревожности, снижения ощущения личной безопасности и уязвимости, что, в свою очередь, несомненно, негативно скажется на качестве и полноте исполнения им служебных обязанностей в будущем, если в крайнем случае не будет стоять вопрос об увольнении со службы вовсе. Более того, информация о попытке посягательства оказывает деморализующее воздействие и на профессиональное окружение потерпевшего, порождая чувство страха, незащищённости и также снижение уверенности в своей безопасности и среди других представителей правоохранительной системы. Тем самым под угрозу ставится устойчивость функционирования института предварительного расследования как важнейшего звена процесса большого механизма правосудия и вместе с тем нормальное функционирование и других органов государственной власти.

Также в рамках настоящего научно-го исследования автором было проведено

анонимное анкетирование, респондентами в котором выступили дознаватели и следователи, проходящие службу в Министерстве внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), и следователи Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ), осуществляющие производство предварительного расследования. Кроме того, и первые и вторые являются одновременно и лицами, охраняемыми рассматриваемой нормой, т. е. могут относиться к числу потерпевших.

Целью опроса являлось выявление восприятия профессиональным сообществом содержания и формулировки ст. 295 УК РФ, в частности оценки применимости термина «посягательство» в её диспозиции. Так, на поставленный автором вопрос: «Считаете ли Вы, что термин “посягательство” в ст. 295 УК РФ следует заменить на другой?», подавляющее большинство опрошенных ответили отрицательно, выразив тем самым поддержку существующей редакции нормы.

Учитывая, что респондентами выступали следователи СК РФ, т. е. должностные лица, к чьей подследственности в соответствии со ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) относится расследование преступлений, предусмотренных ст. 295 УК РФ, ежедневно взаимодействующие с нормами уголовного закона и применяющие их в условиях конкретных уголовных производств, полученные результаты позволяют сделать вывод об отсутствии затруднений в правоприменительной интерпретации данной дефиниции.

Вместе с тем анализ ответов позволяет предположить, что существующее понимание термина носит во многом интуитивный, профессионально выработанный и наработанный характер. В этой связи представляется целесообразным в законодательно установленном порядке

рассмотреть возможность нормативного уточнения содержания термина «посягательство» с учётом его значения именно в контексте уголовно-правовой квалификации [15]. Такая законодательная интерпретация не только усилила бы правовую определённость, но и способствовала бы формированию более единообразной и «предсказуемой» практики применения ст. 295 УК РФ, особенно в условиях общего роста количественных показателей преступности.

Так как одной из главных специфических особенностей рассматриваемых преступлений является их взаимосвязь с другим преступлением. Ведь рассматриваемые преступления, в отличие от других, не возникают изолированно, а представляют собой реакцию на осуществление должностным лицом своих законных служебных обязанностей в виде уголовного преследования, т. е., по сути, являются «вторичным» актом, порождённым в ответ на выявление, расследование или пресечение иного, ранее совершённого преступления. Таким образом, одно противоправное деяние становится своеобразным катализатором для другого, одно преступление становится поводом для совершения другого, в связи с чем они идут в своеобразной связке друг с другом.

Вывод

В результате вышеизложенного и на основании анализа мнений авторитетных ученых, положений научной литературы, а также обобщения материалов судебной следственной практики, связанной с применением ст. 295 УК РФ, автором сформулировано определение понятия «посягательство», наиболее полно отражающее содержание и правовую природу рассматриваемого состава преступления, а также обоснованность использования именно такой дефиниции специальных норм уголовного закона.

Так, представляется обоснованным и наиболее научно логичным толкование «посягательства» на жизнь должностного лица, осуществляющего производство предварительного расследования, применительно к ст. 295 УК РФ как умышленных действий лица, выраженных в действии или бездействии, направленных на воспрепятствование законной деятельности потерпевшего должностного лица, осуществляющего производство предварительного расследования по конкретному уголовному делу или из мести за такую деятельность, путем убийства или покушения на убийство.

При этом даже в случаях, когда преступное намерение виновного лица не было доведено до конца, сам факт вовлечения потерпевшего в ситуацию реальной угрозы жизни уже представляет собой существенное вмешательство в его личную, профессиональную и психологическую безопасность, нанося ущерб как конкретному должностному лицу, так и публичным интересам, охраняемым государством. Речь идёт не только о физическом воздействии, но и о морально-психологических последствиях, способных изменить характер служебного поведения, повлиять на объективность принимаемых решений и в конечном итоге снизить эффективность предварительного расследования как формы уголовного преследования.

В этом контексте особенно актуальной становится проблема терминологической неопределённости применяемого

законодателем термина «посягательство». Как необычайно точно подчёркивал В.М. Коган: «Поскольку слово выражает смысл, а смысл определяет предмет слова, закон остро нуждается в словах с одним смыслом». Отсутствие законодательного определения понятия «посягательство» в уголовно-правовых нормах существенно осложняет единообразие правоприменения и снижает «предсказуемость» уголовно-правовой реакции государства. Применение термина, не имеющего нормативного закрепления, создаёт риск произвольного толкования, что, в свою очередь, может повлечь необоснованную квалификацию или нарушение принципа правовой определённости.

Представляется, что устранение подобного пробела возможно за счёт разработки и внедрения официального разъяснения либо в рамках новой законодательной инициативы, либо путём внесения соответствующих уточнений в действующий интерпретационный нормативный акт – ППВС РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия». Законодательное или судебное уточнение содержания термина «посягательство» в целях унификации подходов к его пониманию будет способствовать не только укреплению принципа законности, но и обеспечению полноты уголовно-правовой защиты лиц, осуществляющих производство предварительного расследования.

Список литературы

1. Михеева С.Н., Скипский Г.А. Особенности реализации мер государственной защиты сотрудников правоохранительных органов и их близких при возникновении угрозы жизни, здоровью и имуществу // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции: в 2 т. Т. 2. Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД России, 2017. С. 149-153.
2. Вандан-Иш А. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь и здоровье представителя власти по законодательству Российской Федерации и Монголии / при участии М.В. Бавсуна, К.Н. Карпова. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2022. 135 с.

3. Кашежева Б.А. Некоторые особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ // Санкт-петербургские встречи молодых ученых: материалы II всероссийского конгресса. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2024. С. 575-579.
4. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 4. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 558 с.
5. Основание уголовного правового запрета. М.: Наука, 1982. 303 с.
6. Бобраков И.А., Карманов О.А. Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование: уголовно-правовой анализ: монография. Брянск: БФ МосУ МВД России, 2008. 159 с.
7. Мальцев В. Уголовно-правовая охрана должностных лиц и граждан в связи со служебной или общественной деятельностью // Законность. 1996. № 1. С. 10-13.
8. Гришанин П.Ф., Журавлёв М.П. Преступления против порядка управления. М.: Юрид. лит., 1963. 43 с.
9. Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления. М.: Юрид. лит., 1966. 136 с.
10. Дементьев С. Об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников // Социалистическая законность. 1963. № 4. С. 42-46.
11. Преступления против правосудия (глава 31 УК РФ): монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2023. 560 с.
12. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана политических, гражданских и иных конституционных прав, и свобод человека и гражданина в России. Саратов, 2000. 99 с.
13. Шувалова А.М. Вопросы квалификации преступлений, посягающих на жизнь лица, осуществляющего правосудие либо предварительное расследование // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2020. № 3 (96), Т. 1. С. 237-246.
14. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. 363 с.
15. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М.: Наука, 1983. С. 93.

References

1. Mikheeva S.N., Skipskii G.A. Features of the implementation of state protection measures for law enforcement officers and their loved ones in the event of a threat to life, health and property. In: *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh: sbornik materialov XXII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = The activities of law enforcement agencies in modern conditions: Collection of materials of the XXII international scientific and practical conference*. Vol. 2. Irkutsk: Vostochno-Sibirskii in-t MVD Rossii; 2017. P. 149-153. (In Russ.)
2. Vandan-Ish A. Criminal liability for attacks on the life and health of a government official under the laws of the Russian Federation and Mongolia. St. Petersburg: S.-Peterbur. un-t MVD Rossii; 2022. 135 p. (In Russ.)
3. Kashezheva B.A. 295 of the Criminal Code of the Russian Federation. In: *Sankt-peterburgskie vstrechi molodykh uchenykh: materialy II vserossiiskogo kongressa = St. Petersburg meetings of young scientists: proceedings of the II All-Russian congress*. St. Petersburg: S.-Peterb. un-t MVD Rossii; 2024. P. 575-579. (In Russ.)
4. The course of Soviet criminal law. The Special part. Vol. 4. Leningrad: Izd-vo LGU; 1978. 558 p. (In Russ.)
5. The basis of a criminal legal prohibition. Moscow: Nauka; 1982. 303 p. (In Russ.)
6. Bobraikov I.A., Karmanov O.A. Encroachment on the life of a person exercising justice or preliminary investigation: criminal law analysis. Bryansk: BF MosU MVD Rossii; 2008. 159 p. (In Russ.)
7. Mal'tsev V. Criminal law protection of officials and citizens in connection with official or public activities. *Zakonnost' = Legality*. 1996;(1):10-13. (In Russ.)
8. Grishanin P.F., Zhuravlev M.P. Crimes against the order of government. Moscow: Yurid. lit.; 1963. 43 p. (In Russ.)

9. Polenov G.F. Responsibility for crimes against governance. Moscow: Yurid. lit.; 1966. 136 p. (In Russ.)
10. Dement'ev S. On responsibility for attacks on the life, health and dignity of police officers and people's vigilantes. *Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialist legality*. 1963;(4):42-46. (In Russ.)
11. Lopashenko N.A. (ed.) Crimes against justice (Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation). Moscow: Yurlitinform; 2023. 560 p. (In Russ.)
12. Krasikov A.N. Criminal and legal protection of political, civil and other constitutional rights and freedoms of man and citizen in Russia. Saratov; 2000. 99 p. (In Russ.)
13. Shuvalova A.M. Issues of qualification of crimes encroaching on the life of a person exercising justice or preliminary investigation. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva = Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga University*. 2020;(3-1):237-246. (In Russ.)
14. Trainin A. N. The general doctrine of the composition of the crime. Moscow: Gosyurizdat; 1957. 363 p. (In Russ.)
15. Kogan V.M The social mechanism of criminal law impact. Moscow: Nauka; 1983. P. 93. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Кашежева Бэлла Артуровна, инспектор факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: balik07@yandex.ru

Bella A. Kashezheva, Inspector of the Faculty of Training of Personnel for Operational Units, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
email: balik07@yandex.ru